

Spiro

свободное издание

Выпуск №6 | 1 декабря 2020 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир искажается, чтобы мы его узнавали. Следовательно, у нас есть право контролировать форму, силу и глубину этих искажений. Любовь и ненависть, красота и уродство, удивительно и обыденно, хорошо и плохо, или намерение выйти из коробки категорий: абсолютно присутствовать, — все это выбор.

Александр Пятигорский писал, что «интересно» — это нечто раздражающее человеческую мысль. То, что не даёт мысли оставаться в привычных клише лингвистики, истории, философии, любых концепций и идеологических конструкций. «Интересное склоняет слушающего, видящего или читающего к забвению его убеждений», — полагал Пятигорский.

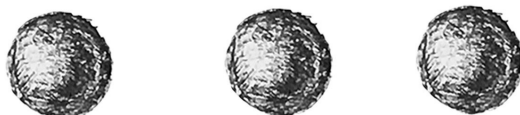
Интересное — это поэзия. Где, как и у кого ты ее найдёшь, увидишь ли, услышишь ли по-настоящему, во многом зависит от тебя.

В шестом выпуске Spiro поэтические тексты Лу Рамишвили, Захара Зорькина, Ануара Дуйсенбинова и Маши Романюк. Думаю, что перечисленных авторов объединяет искренность — нечто гораздо более честное и однозначное, чем правда.

Этот выпуск о захватывающем наблюдении, многослойном исследовании себя через линзы мира. Этот выпуск о способности остановиться так, когда все внутри и вовне тебя останавливается — внезапно появляются новые грани движения.

Интересного взаимодействия, дорогой читатель!

Елизавета Цой

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лу Рамишвили

мальчик в соломенной шляпе щурится...	4
в жерло памяти кинув одну из больших историй...	5
вышибить сигарету щелчком большого...	5
как из кожи вон лезли...	6

Захар Зорькин

требуется помощь	7
Встреча	8
глава xxvi	9
Сатира, или Обличение Бессмыслицы (о создании стихов)	10

Ануар Дуйсенбинов

Запахи	11
Возвращение	11
Ж. Н	12

Маша Романюк

сны одолели. пью молоко	13
по воздуху носит пакеты	13
заработать много поливая вишни	14
В Неверленд по нарастающей прямо и до самого поворота	14

Лу Рамишвили

г. Прага

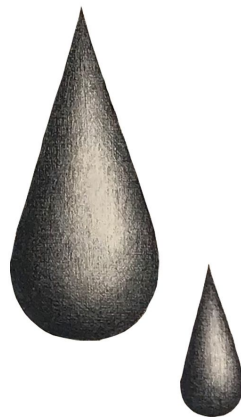
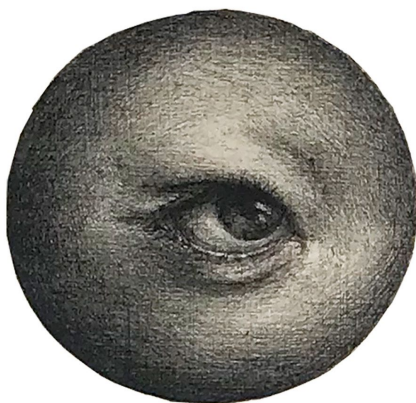
мальчик в соломенной шляпе щурится
сверху лучи запускают щупальца
к коже его — они ластьются, просят
нежной крупой на его переносицу

мальчик вздыхает под этой лавиной
мальчик совсем не умеет лавировать
он разморён, окружённый травами,
он начинён и стихами и травмами

мальчик со всеми своими сколами
кутает в мысли желания голые
звёзды казались ему далёкими
но этот шар заполняет лёгкие

спать не даёт — всё кругом засвечено
тьмы не дождёшься и даже вечером
сердце влюблённого юного гения
чистая смесь водорода и гелия

взрыв изнутри, а снаружи всё замерло
мальчик глядит обалдело на зарево
в каждой артерии, клетке, извилине
след от звезды
от звезды
по имени.

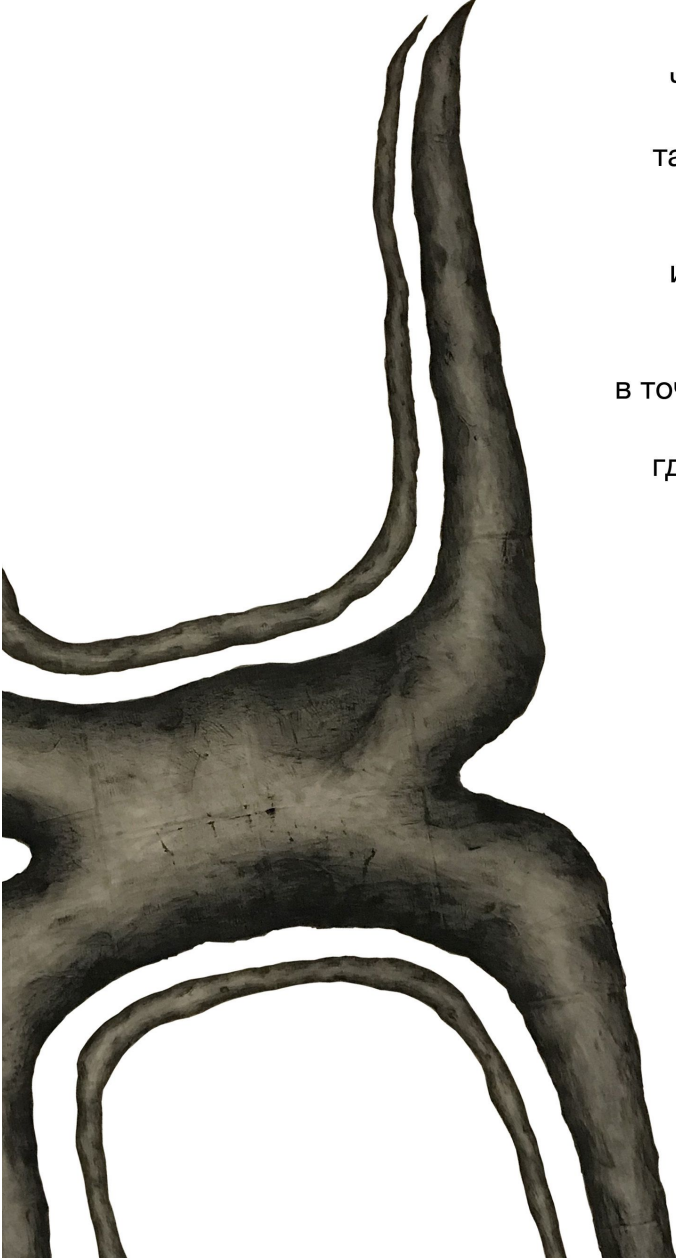

в жерло памяти кинув одну из больших историй,
я смотрю, как горит, как уже ничего не стоит
эта девочка: хочешь за бар/за столик?
через пару часов она дышит в плечо и стонет.

через ночь она пишет мне длинные полотенца,
я смотрю между строк и не знаю, куда мне деться.
я боюсь её приручить, я пытаюсь в ней отогреться,
я не помню уже, как любить, но у меня замирает сердце.

через месяц мы застреваем друг в друге прочно,
без неё я разбит, раздавлен и обесточен,
она медленный яд и прозрачный живой источник,
я впиваюсь в глаза, я дурею, я пью, короче:
через год я хочу завести с ней детей и кошку,
через три с небольшим берегу её мелкой ложью,
она в общем-то тоже старается быть хорошей,
так мы множим тоску, а себя ни черта не множим.

через пять мы молчим — неужели уходят чары?
и следы прошлых нас исчезают на дне песчаном.
жизнь мотала нас, строила, поучала...
но скажи: мы могли бы начать с начала?
в точке А, где ты — девочка с вьющимися волосами,
где потерянный парень увидел тебя и замер.
где на всё наплевать — не задумываясь, бросаем.
и ты снова моя: загорелая и босая.

вышибить сигарету щелчком большого
и сказать себе строго и твёрдо: хватит,
не кричать в пустоту, перейти на шёпот,
встретить белое утро в пустой кровати
и реветь, чтобы слёзы внутри не мешали
и позволить себе и тоску, и жалость.
написала строку — а она, как жало,
вся кипит, только некого ей ужалить,
в каждой рифме становится дико тесно,
а душа вся изрыта, в воронках скважин,
мне так страшно запнуться в начале текста,
потому я всегда запинаясь дважды.

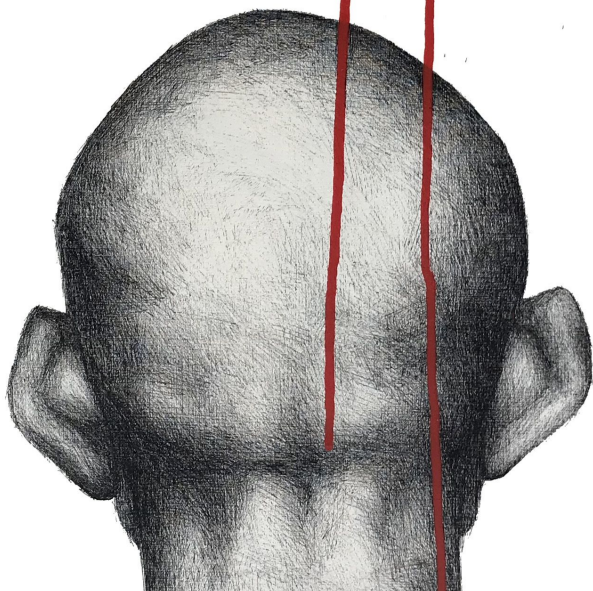
ночь повязкой тугой закрывает веки,
эту тьму разглядеть по итогу нечем,
так упорно рашу в себе сверхчеловека,
а внутри расцветает бесчеловечность.
моя страсть никогда не давала сбоя
и звенела внутри меня, как будильник,
вопреки: я так долго сражалась с болью,
потому ли она меня победила?
научиться молчать — на хреновый случай,
что внутри меня бережно запечатан,
но стихи, как на зло, сорняком живучим
пробиваются к небу из под брусчатки.

как из кожи вон лезли, прихорашивались, казались:
лишь бы вызвать у всех восхищение или зависть,
чтоб никто не расслышал за шумом больших историй,
как звенит моё сердце — одинокое и пустое.

всяким хламом и мишурой его заполнив,
жаль, другие напишут слово, но не запомнят,
как стоит человек — и красив, и богат, и весел,
опираясь на то, что вообще не имеет веса.

мы диковинные экспонаты в оранжереях,
мир с одной стороны нищает, с другой жиреет,
вот мой лучший костюм — а с изнанки рубцы и пятна,
для чего я его ношу, мне давно уже не понятно.

но гнилая система всего меня проглотила,
если счастье — то только под седативом,
если жизнь — то всего лишь удары сердца,
и оно не дороже божьего заусенца.

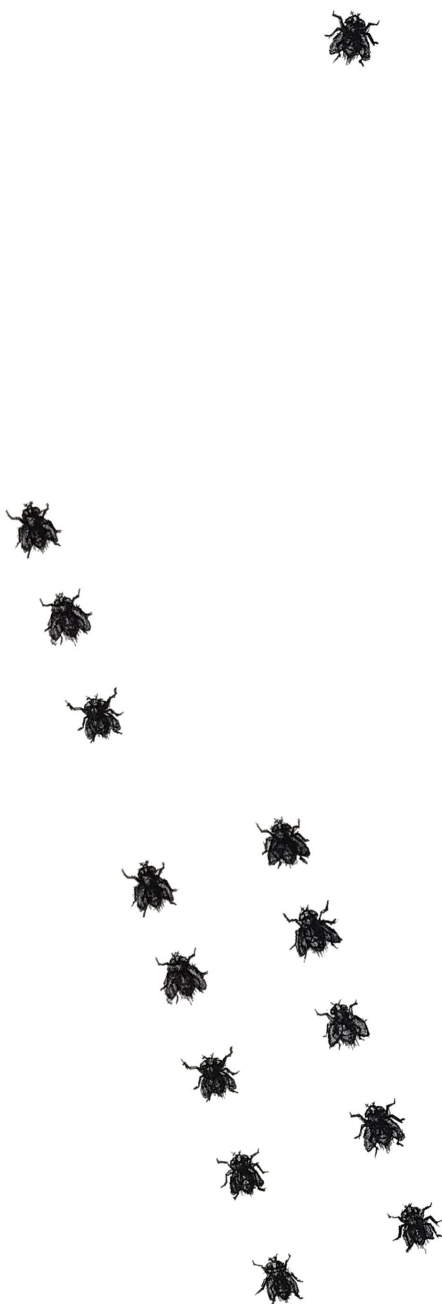

Захар Зорькин

г. Москва

требуется помощь

ваша позиция в очереди: шесть.
а дальше что? двигаем лит. процесс.
очевидная рифма первая: шерсть.
вторая: есть (держим в уме свой вес).
ваша позиция в очереди: шесть.
ваша позиция в очереди: шесть.
третья: месь. четвёртая: лесь.
ваша позиция в очереди: пять.
ну ничего себе, глядь!
сброшу и повторю всё опять.
сверкает водная гладь.
ваша позиция в очереди: четыре.
я точно не одинок в этом мире.
вот, поглядите, сейчас субъект входит в текст.
(батя в здании.) сплошное «я». рвотный рефлекс.
ваша позиция в очереди: три.
там на дне зажгли огни.
станция «стагнация».
мне бы просто догнаться и...
ваша позиция в очереди: два.
очевидная рифма: едва.
новые имена не дадут новых форм.
но, видимо, всем и без того норм.
ваша позиция в очереди: один.
вот я и остался. я слабый тигр.
минуты текли и вышли вон.
момент истины всем знаком.
– чем вам помочь?
– чем ВАМ помочь?
забыты причины и по-во-дЫ.
короткие гудки, шум воды.

Встреча

На куриной ножке три избушки.
Выстрел филологической пушки.
Вылетел Гоголь, одет как Пушкин.
На цилиндре его плещутся кружки.

Летел Гоголь на ядре,
как Вакула на чёрте.
Летел на левом бедре,
как ведьма morti.

Сидя на ядре-как-на-метле, Гоголь летел налегке.
Избушка Пушкина огнями замаячила вдалеке.

«Я явился, няня, — молвил Гоголь-Пушкин —
я принёс тебе две рыжих кружки.
Я прилетел сюда из пушки,
там в лесу стоят избушки...»

«Гоголь, где Гегель?
Который щас год?» —
на цепи орал кот.
Няне подали шекель.

«Проходи-садись, сударь,
ты редкостный лодырь,
вот твоя комедия, держи даром,
довольствуйся тёплым самоваром.
И не забудь свои пустые кружки!» —
пропалил Пушкин.
«Спасибо! Бегу из вашей избушки!» —
ответил Не-Пушкин.

Гоголь скрылся, оставив крошки цилиндра,
к Пушкину, спящему, явился Индра.
Но вторглась няня, наперерез:
«Дорогой мой, к вам Дантес!»

Сокрыт в тумане дом,
но светится красным огнём
подъёмный башенный кран.
Такси. Ночь. Водила. Буран.
Я хотел прочитать: «баран».

Иногда хочется круассан.
Да-да, это тоже часть текста.

Даже, когда веду диалог.
Чёрный дым – это Джон Локк.

Всё вокруг – это секта.

Наступает время пауз.

Ведь я просто пытаюсь
потрогать вас за душу.

И какая разница, как именно.
Цель оправдывает средства, а?

Мой дом – моя ратуша,
здесь зона зоркого закона.
Что-то продолговатое в рот на!

Спор с собой – это текст.

Гул проводов – это текст,

дрожь проводов – это текст.

Стройка за окном – это текст.

Я кашляю после выступления,
как туберкулёзник. И это тоже текст.

Моё одиночество – это текст.

Мой текст – это моё заявление
об уходе от мира
в форме свободной поэмы –

чумы

во время пира.

Кто есть творящий творца,

творящего тексты?

Мои мысли – мои палимпсесты.

Без твоР_И_Мо(е)го лица.

Покажи мне, папа

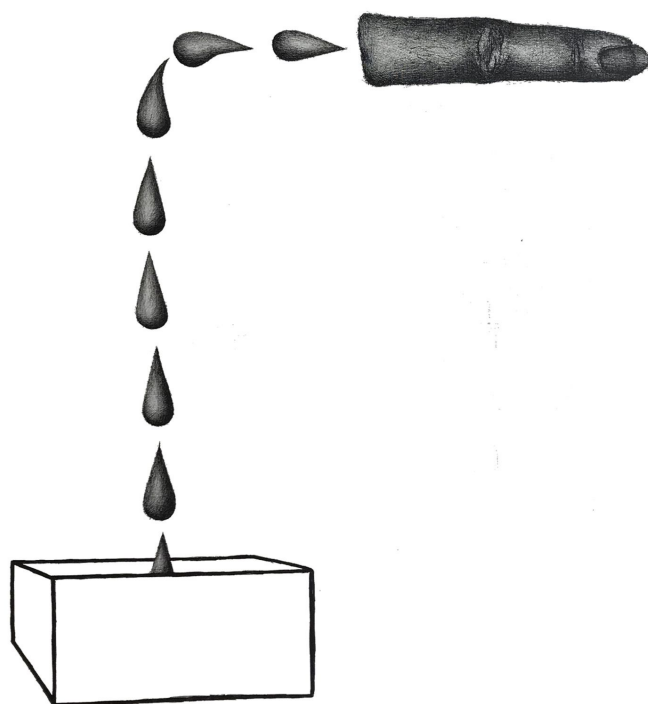
последнего попа.

Жаль, но у меня нет отца.

И кончено время погонь.

Этот текст дошёл до конца.

Я – это красный огонь
на вершине подъёмного крана.
И зияет на теле открытая рана.

Ануар Дуйсенбинов

г. Алматы

Запахи

Чем дальше перспектива и выше скорость, тем отчетливее различим запах одиночества среди прочих запахов, таких как тонкий, почти бессильный аромат любви или вездесущее зловоние суеты, смрад одобряемой глупости или даже запашок из-под мышки грядущего.

Мы не хотели приходить туда, куда пришли, но уже называем это «здесь», и отсчитываем отсюда шаги, старательно запечатлевая каждый, фиксируя, словно бы рассчитываем на то, что за нами придут другие, им будут интересны наши уже неосязаемые артефакты или наши неоспоримые убеждения.

Истерика предвосхищает решение получить желаемое, отвергнув действительное, если действительное когда-либо было определимо, а действие могло быть единственной формой опыта. Запахи идут из пробелов, из неосвещенных памятью пространств, где время это не более, чем слово, и шаг это не менее, чем забвение.

Возвращение

Спасибо за мерцающий и одновременно застывший
В ожидании город за ночных незнакомцев выхваченных мимолетным
Взглядом а если ничто меня больше не держит
То что же держит меня такие часы дни или сезоны как сейчас
Я называю «с зародышем рубежа» «мы слишком стары чтобы ссать»
Вспоминаются вдруг слова и другие слова нарушают скользкий покой
Ты брось это дело говорит майор с этого все и начинается
Сначала это потом грабеж ради этого потом и до убийства недалеко
Посмотри на себя ведешь себя и выглядишь как девушка таких как ты
В тюрьме знаешь как договаривать он не стал продолжая переговариваться
С другим на языке якобы мне непонятном на языке моих отцов и дедов
На языке которым трепетала степь под копытами табунов
На языке которым звучит сейчас речь двух выебывающихся
Упивающихся своей властью над ситуацией и таким образом пытающихся
Скрыть свой страх преступников мы переезжаем с места на место
В ожидании денег которые моя семья — я говорю сейчас о родстве не кровном
Каким-то подкожном неуловимом и вызывающе действительном —
Собрала в течении получаса и уже везла в зияющие чрева в которых
Давно потонули причины рефлексия вина мы останавливаемся в одном

Ждем десять минут и переезжаем в другое и этот судорожный маршрут
 Напоминает пульс испуганного измученного беззаконника который как будто
 Давно хочет быть пойманным за руку где-то в глубине того самого чрева
 Но уже почти не помнит об этом и живет с ощущением чего-то все время
 Ускользающего важного с напоминающей свет точкой на границе зрения
 На выходе из дурного сна звони говорит время твое на исходе будем
 Тебя оформлять я старательно изображаю страх и говорю в телефон
 Дрожащим почти панически голосом это игра в которую невозможно выиграть
 Но необходимо подыгрывать ибо если ты не боишься они могут случайно
 Увидеть в твоих глазах то самое ускользающее и важное и тогда непонятно
 Что будет дальше кому это ты написал говорит майор выхватывая телефон из рук
 И читает вслух «Все в порядке не переживай откупимся» и смотрит и почему-то
 Замолкает я смеюсь про себя над собой мыслительные усилия которого
 Направлены исключительно на выпитывание все этого шума всего этого текста
 Спасибо что я скоро вернусь домой они скоро вернутся домой и все это
 Скоро вернется в слово

Ж. Н.

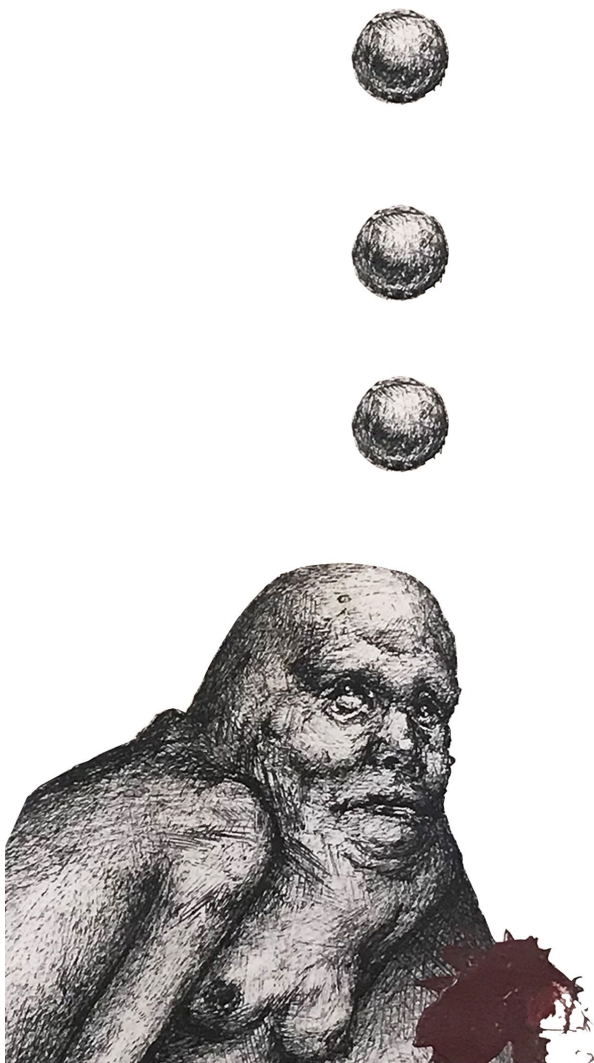
Обращая силу своего отрицания
 В медленное глиттерное мерцание
 Нелинейных дней
 Я забыл как идти не нуждаюсь более
 В шаге как в принципе узнавания
 Своего присутствия

Находясь над собой созерцая виды
 С воздушных замков можно верить
 В неприступность но это менее
 Убедительно чем действительность

Отрицая силу своего обращения
 В многословное длительное молчание
 Вспоминаю как говорить

Созерцая видимость неотсутствия
 Узнавать удастся ранее
 Нераспознанные границы
 Лучевой направленности внимания

Здесь идея нерасстояния
 Отстоит от идеи равенства
 Переменных по обе стороны
 Воли как попытки ответить на
 Неартикулируемый вопрос

Маша Романюк

г. Красноярск

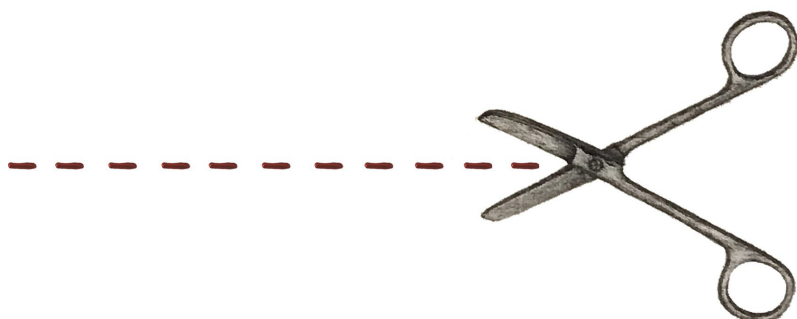

сны одолели. пью молоко.
лиловые тени смеются.
теплые персики на столе
желтые невозможно

дом из окна выглядит пусто,
давится темнотой.
я робко трогаю желтые фрукты
больной голодной рукой.

по воздуху носит пакеты. плачем.
красота изменилась с углами неба.
ты тоже лови её. замаячит -
лови. даже если не звал, не бегал -
ищи. я охочусь на пум и ланей,
ни в одной не нашел для себя ответа.
где-то сбой. ты, может, придешь с друзьями?
надеремся как боги, а помнишь? это
бьет по щекам не весна: холод.
оступившись, мы стонем, роняем плечи.
в переулке подравшись, смеюсь. я молод,
но уже понимаю: никто не вечен.
оставаться в этой дыре? в космос
улететь бы сейчас как герои в книжках.
я стою на балконе, встречаю взрослость,
а на небе ни облачка.
небу крышка.

заработать много
поливая вишни
извини не вышло

как всегда не вышло

кусочек колы
глоток паштета

я умру за это
прости за лето

В Неверленд по нарастающей прямо и до самого поворота

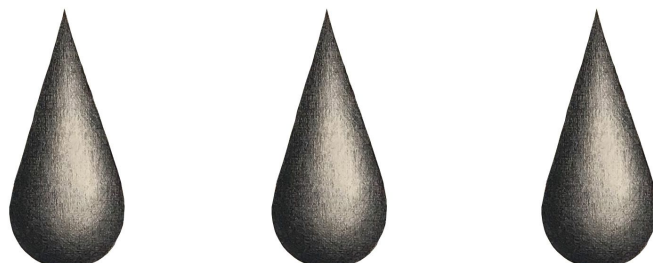
в последнее время мне очень нравится
что я не каноническая красавица
что у меня нет денег на бензин и прочее
проблемами политики не озабочена
меня пугают меховые шубы толстые кошельки
мне хотелось бы жить в маленьком домике у реки
слушать lcd soundsystem читать книжки
придумывать истории для своего мальчишки

у меня в шкафу есть ангелы медведи варенье
любимый свитер стабильное настроение
немного подавленное. я обеспокоена
тем что где-то голод холодно где-то идут войны
а у нас тепло мы едим и спим даже слишком много
все тропинки сходятся сложно выбрать одну дорогу

рисую самолеты мечтала улететь не скажу куда
мне нужен был воздух чуть больше неба земля вода
но проблемы остаются независимо от времени и мест
я доела скиттлз отменила все перелёты и переезд
и ввела в моду отрешенность сбивчивость чистоту
(если есть идеи - пиши. что-то еще введу)
позвонила друзьям по-взрослому поговорила с сыном дяди
ему 3 года но интеллект уже читается во взгляде
на айпод записала тихое почистила на ноутбуке рабочий стол
поспорила с братом о приоритетах - орбит или дирол

выбранная нами жизнь вполне понятна в ней неглубоко уютно там на улицах так же невыносимо мусор в подъездах блюют но помнишь говорили о чайниках с ситечками и свистками холодильниках с наклейками? да, мы портим этот мир сами. не испортиться внутренне - вот такая у нас задача залезай ко мне в шкаф посидим там с медведями поплачем и еще у меня есть идея пока никто не застукал приноси свои нитки будем печь печенье и шить кукол

Данный литературный журнал (далее – Издание) является исключительной собственностью редакции Spiro (далее – Редакция). Любое распространение данного Издания может производиться только с предварительного согласия Редакции.

Издание является средством, позволяющим Автору представить свое собственное произведение (далее - Произведение) для всеобщего сведения.

Издание не несет ответственности за любые нарушения авторских прав Автора/ом или третьих лиц, возникшие при публикации Издания на сайте egospiro.com либо в любом другом месте, в частности в результате копирования Произведения Автора третьими лицами, или в результате несанкционированного использования Автором в Произведении сочинений третьих лиц.

Данная ответственность является персональной ответственностью Автора и, в случае конфликтов, урегулируется персонально и за собственный счет Автором и третьими лицами, без участия Редакции.

Оформление журнала:
Аружан Жұмабек
[@zhumabek.aru](https://www.instagram.com/zhumabek.aru)

egospiro.com
[@egospiro](https://www.instagram.com/egospiro)

Spiro

свободное издание

